
ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.5; 341.213.4; 342.41; 342.7

EDN: OZWZEL

doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-2

ЧИСЛО 5 КАК ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДРЕВНЕИНДИЙСКОМУ ОБРАЗЦУ

Сергей Викторович Королев¹, Ирина Сергеевна Лялина²

^{1,2}Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

¹sko.05@mail.ru

²irlyalina@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* О магии чисел было много сказано еще в древности. В античной Греции пифагорейцы разработали цельное мировоззрение, основанное на философско-религиозной интерпретации каждого числа. Священным числом для них, а позднее и для Аристотеля, было число 10. На Дальнем Востоке, а именно в китайской цивилизации, до сих пор живет 3000-летняя традиция стратагем – кратких формул политической стратегии. Каждая стратагема состоит из четырех иероглифов. Однако целью настоящего исследования является изучение места и роли числа 5 в (древне)индийской политической организации. Речь идет о знаменитых панчаятах, возникших в далекой древности как система автономных самоуправляющихся сельских общин. Древние индусы – сознательно или нет – обнаружили количественную границу для качественной модели публичного управления. *Материалы и методы.* На примере индийских панчаятов – быть может, древнейшей политико-административной институции в мире – кратко анализируется индийская модель «пятивластия» с использованием страноведческого, исторического, систематического, формально-юридического и лингвистического методов. *Результаты.* Благодаря разнообразию применяемых методов была обнаружена неразрывная связь индийских панчаятов и, следовательно, числа «пять» с кастовой организацией индийского общества, точнее с системой «джати» – профессиональных и разветвленных объединений родственников. *Выводы.* Несмотря на уникальную социокультурную специфику и даже сакральное значение числа «пять» для индийского менталитета, сделан вывод, что указанное число чисто по формальным признакам может противодействовать «закону Паркинсона» в любой стране и в любом социокультурном контексте.

Ключевые слова: публичное управление, публичное право, панчаяты, пентархия, кастовая система Индии, джати, нумерология

Для цитирования: Королев С. В., Лялина И. С. Число 5 как организационный принцип публичного управления по древнеиндийскому образцу // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 11–21. doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-2. EDN: OZWZEL

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

THE NUMBER 5 AS AN ORGANIZATIONAL PRINCIPLE OF PUBLIC RULE IN THE ANCIENT INDIAN TRADITION

Sergey V. Korolev¹, Irina S. Lyalina²

^{1,2}Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹sko.05@mail.ru

²irlyalina@yandex.ru

Abstract. *Background.* The magic of numbers attracted the special attention of investigators from the ancient times. In ancient Greece the Pythagorean School elaborated a systematic world outlook, which was based on both religious and philosophical interpretation of numbers. The main and sacred number for them was the number 10. Later on the sacred status of this number was corroborated in the philosophy of Aristotle. In the Far East, namely in the Chinese civilization, the 3000-year tradition of stratagems still exists. These are laconic maxims of political wisdom. Each stratagem consists of four Chinese characters. However, the aim of this work is to investigate the role and status of the number 5 in the everlasting Indian political organization. The attention is focused on famous panchayats, which came into existence in the distant Indian antiquity as a system of autonomous self-ruled rural communities. The ancient Hindus – consciously or not – established a *quantitative* limit of the *qualitative* system of public rule. *Materials and methods.* Based on the Indian panchayat system, which is perhaps the oldest political and administrative institution in the world, the authors briefly analyze the Indian “five-power” system combining multiple methods, including regional studies, historical science, systematic approach, legal science and linguistics. *Results.* Due to synergetic multiplicity of the applied methods the authors find that the Indian panchayats and, consequently, number 5 has a deep-rooted connection with the Indian caste system, or, more precisely, with the Indian jati as professional and branched communes of relatives. *Conclusions.* Despite the unique social and cultural context and even the sacred connotation of the number 5 within the Indian world outlook the authors argue that the number 5, purely on formal grounds, may function as a counter-balance against the “Parkinson’s law” in any country and within any social and cultural context.

Keywords: public rule, public law, Panchayats, pentarchy, Indian caste system, Jati, numerology

For citation: Korolev S.V., Lyalina I.S. The number 5 as an organizational principle of public rule in the ancient Indian tradition. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2023;11(1):11–21. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-2

Молодой Рудольф Иеринг в бытность активным адептом исторической школы права сформулировал забавную фразу о том, что юридические нормы «спариваются и размножаются». В современном контексте ее можно рассматривать как глобальную проблему правопорядка и толковать в терминах Gesetzesflut (нем. «наводнение законов»). Современные немецкие авторы уделяют этой проблеме пристальное внимание. Например, профессор Флиднер ставит нериторический вопрос о том, насколько данная тенденция является неизбежной для «демократического правового и социального государства» [1]. В отличие от юридических норм административные структуры и должности могут дифференцироваться (размножаться) без всякого «спаривания». Речь идет о специфическом законе самовозрастания бюрократии, или о «законе Паркинсона» [2]. Сирил Нортон Паркинсон долгое время был чиновником в администрации Британской Индии и лично наблюдал, как растет число бюрократов без всякой на то необходимости. Целью данного исследования является попытка

найти инструмент против «закона Паркинсона». Авторы полагают, что такой инструмент может быть по преимуществу формальным, числовым, а именно совпадать с числом «пять».

Число «пять» приобрело политический смысл еще в древней Индии и неразрывно связано с организацией местного управления в форме так называемых панчаятов. Слово «панчаят» язык хинди унаследовал из санскрита. Оно состоит из двух элементов, а именно из слова «панча» (= пять) и слова «ят», или «яти» (= совет). Таким образом, «панчаят(и)» – это «совет пяти».

Панчаят – это уникальная социальная институция Индии. Она соединяет в себе прагматичную функциональность и некий набор устойчивых мифологем. Одной из таких (трудно оспоримых) мифологем является тезис о том, что панчаяты представляют собой символ уникальной индийской демократии. Впрочем, о сфере и характере *компетенций* древнейших панчаятов существуют разные мнения. Разногласия оценок пульсируют между двумя полярными позициями. На одном полюсе сосредоточены голоса тех, кто убежден в том, что панчаяты древней Индии в рамках соответствующей сельской юрисдикции обладали широким набором административных, судебных, социальных и даже религиозных компетенций. На другом полюсе господствует мнение о том, что панчаяты никогда не были органами местного управления в строгом смысле, а выполняли некоторые судебные или только арбитражные функции [3, p. 101].

Мы больше склоняемся к первому полюсу оценок. По нашему убеждению, нет никакого смысла подчеркивать уникальную социокультурную специфику панчаятов без осознания фундаментального значения в индийском социуме институции под названием «джати». Европейцам более известно португальское слово «каста». Дело в том, что в индийской деревне живут не «индивиды» в европейском понимании. В ней живут «профсоюзы родственников», например, союзы производителей (и продавцов) фруктов или союзы пастухов или «федерации» уличных уборщиков. Другими словами, каждый индиец живет не «сам по себе», а в качестве члена относительно большой профессиональной семьи (пекарей, заклинателей змей, водителей-рикши и т.п.), т.е. внутри соответствующей касты, или джати [4].

Примерно 3000-летняя кастовая традиция Индии своей поразительной живучестью обязана, прежде всего, тому, что кастовая организация общества обеспечивает социально-экономическую стабильность и – как ни странно – эффективную социальную ориентированность (даже в отношении так называемых неприкасаемых). Так, Сидни Лоу в своей классической книге об Индии отмечает, что кастовая система «обеспечивает каждому человеку его место, его профессию, его круг друзей... Для индуса кастовая организация – это его клуб, его профсоюз, его благотворительное общество» [5, p. 263].

Современные индийские исследователи также отмечают бесспорные достоинства кастовой системы. Так, Свами Харшананда выделяют пять таких достоинств. Кастовая система:

- наделяет каждого чувством принадлежности к определенному социуму уже с самого раннего детства;

- обеспечивает простым и естественным способом превосходное обучение определенной профессии, поскольку ее практикует вся семья и часто все соседи;

- исключает жесткую конкуренцию, так как занятие профессией представляет собой кооперацию родственников, где каждый готов помочь другому родственнику и одновременно коллеге;

- поощряет эндогамные браки, что в результате еще более сплачивает между собой членов профессионального сообщества;

- обеспечивает четкую демаркацию обязанностей каждой касты и – как следствие – признание ее коллективных прав и привилегий со стороны других каст [6, p. 7–8].

Другой современный исследователь Крипа Фрейтас считает, что поразительную жизнеспособность кастовой системы Индии можно объяснить *юридически*, а именно в терминах взаимодействия того, что западные системы права называют «публичное право» и «частное право». Речь идет о том, что в романо-германской правовой семье имеет название «Kontrahierungszwang», а в англо-американской модели права – «contract enforcement», т.е. (социально

гарантированное) «принуждение к заключению договора» [7, р. 2]. Так, брахман, которому запрещено чистить даже собственный туалет, социально вынужден заключать соответствующий договор с представителем местного сообщества «туалетных работников», т.е. с соответствующей кастой «неприкасаемых». Таким образом, все работы, связанные с канализацией, становятся привилегией «неприкасаемых сантехников» и только их.

Тем не менее кастовую систему Индии нередко анализируют также и в педжоративных терминах, т.е. как социальное зло, несовместимое с принципом равенства и принципом человеческого достоинства. Вероятно, самыми авторитетными идеологами такого подхода были доктор Амбедкар и Махатма Ганди, который предложил вообще отказаться от термина «неприкасаемость» (the untouchability) и заменить его термином «хариджане» («дети Бога»).

Автором термина «хариджане» является «святой поэт» XV в. Нарсинх Мехта, известный также как Нарсинх Бхагат. Он считается первым поэтом, сочинявшим на языке гуджарати, т.е. фактически создателем литературной версии этого языка. Сам Нарсинх Мехта ассоциировал термин «хариджане» с благочестивыми адептами вишнуизма [8]. Созданный им гимн «Vaishnava Jana To» имеет удивительное сходство с Нагорной проповедью. Махатма Ганди восхищался этим произведением Мехта. До сих пор «Vaishnava Jana To» нередко исполняется как финальное песнопение на официальных мероприятиях, особенно в штатах Гуджарат и Раджастан.

Даже в прозаическом переводе «Vaishnava Jana To» заслуживает статуса сакрального произведения. Достаточно для иллюстрации процитировать первое четверостишие: «Назовите тех людей "вайшнава", кто чувствует чужую боль, помогает тем, кто в нищете, но никогда не позволяет самодовольству овладеть их разумом». По-русски таких людей называют «чистые души». Понятно, что «вайшнава», или «хариджане», или «чистые души» никак не привязаны к определенным кастам. Соответственно, носителями таких качеств могут быть и представители неприкасаемых каст. Именно данное обстоятельство имел в виду Махатма Ганди, когда предложил заменить термин «неприкасаемые» на термин «хариджане».

Однако предложенная Ганди замена терминов не прижилась. Против этого энергично возражал один из соучредителей Индийской конституции 1950 г. доктор Амбедкар [9, 10]. Он сам был выходцем из «неприкасаемых» и возражал против термина «хариджане» ввиду его тесной ассоциации с индуизмом и присущего этому термину патернализма. Амбедкар был радикальным критиком индуизма вообще и кастовой системы в частности [11, 12]. Он призывал «неприкасаемых» стать адептами буддизма и сам перешел в него накануне своей смерти в 1956 г. [13]. Более того, в стремлении удержать «неприкасаемых» от атеистического материализма Амбедкар с буддистских позиций критиковал марксизм [14].

Сами «неприкасаемые» себя таковыми по понятным причинам никогда не считали и называли себя «далитами». Санскритское слово «далит» означает «рассеянные, разломленные, фрагментированные» [15]. Среди представителей «рассеянных каст» были не только индусы, но и буддисты, мусульмане и даже христиане. Далиты-неиндуисты видели себя все не отброшенным на свалку истории «осколком индуизма», а автономным сообществом, например, по аналогии с индийскими мусульманами. Что касается далитов, исповедующих индуизм, то они термину «хариджане» предпочитали термин «пятая варна, или каста» (panchama).

Однако далеко не все «неприкасаемые» перешли в буддизм. Многие представители «рассеянных каст», казалось бы больше всего страдающие от кастовой социальной организации, независимо от своей конфессиональной принадлежности остаются носителями кастового менталитета. Как бы ни называли себя далиты – автономной социокультурной и социально-экономической группой или «пятой варной», все они нацелены на социальную интеграцию в индийское общество, которое немыслимо без кастовой системы [16]. В контексте индийской социальной организации индийские буддисты, мусульмане и даже христиане по форме представляют собой те же автономные касты, которые отказались от индуизма как *мировоззрения*, но по объективным причинам не могут отказаться от *структуры* индийской социальной организации.

На официальном уровне в независимой Индии закрепился конституционно-правовой термин «списочные касты» (Scheduled Castes). Соответственно, конкурирующие термины «неприкасаемые», «далиты» или «хариджане» имеют хождение лишь на бытовом уровне. Более того, 26 марта 2017 г. Верховный суд Индии квалифицировал термин «хариджане» как оскорбительный в отношении любого представителя списочных каст [17]. Однако официальный термин «списочные касты» также небезупречен. Он вызывает критику за то, что нередко употребляется в духе экономического детерминизма и вызывает ассоциацию с марксистским понятием «пролетарий». При таком подходе, когда социально-экономическая подоплека полностью затмевает социокультурную проблематику феномена неприкасаемости, понятие «списочные касты» становится синонимом расплывчатого термина «угнетенные».

В рамках заявленной темы трудно уйти от краткого анализа вопроса о том, почему далиты (индуисты) хотели бы получить не расплывчатый квазимарксистский статус «списочных каст», а статус *пятой* индийской варны. Для ответа на этот вопрос необходимо кратко рассмотреть историю панчаятов. Ясно, что панчаят как социальная институция древней Индии не имеет генетической связи ни с древнегреческой политической традицией, ни (тем более) с буржуазной демократией прозападного образца. Однако уникальность панчаятов можно обосновать не только с отрицательной стороны.

В *позитивном* смысле оригинальность панчаятов заключается в том, что в далекой древности один из «совета пяти» не просто возглавлял его, но был *духовным* лидером соответствующей деревни. Другими словами, в рамках политической мифологии Древней Индии панчаят – это не просто «туземная» форма самоуправления. Она представляет собой в первую очередь форму и средство – ни много, ни мало – духовного самосовершенствования деревенских микро- и макросообществ.

Именно так оценивал значение панчаятов один из главных реформаторов современной Индии Махатма Ганди. Духовный лидер панчаята, согласно Ганди, является своеобразным хранителем и (в политическом смысле) пропагандистом *такого* образа жизни, в котором превалирует «желание [содействовать] благополучию других» [18, р. XVII]. При этом речь идет не только и не столько о *материальном* благополучии, сколько о благополучии в части пользования необходимыми ресурсами для духовного самовозрастания каждого жителя соответствующей деревни. Как отмечает Энтони Дж. Парел, «политическая теория, провозглашенная в "Хинд Сварадж", – это теория практики и теория о практике. Такая теория требует от теоретика, чтобы он одновременно был практиком. Кто практикует самоуправление, так или иначе преобразует себя. Самоуправление без самосовершенствования – это идея, чуждая Ганди» [18, р. LVIII].

Ганди был убежден, что истинная политическая власть и истинный политический авторитет должны базироваться на принципе ненасилия. «Однако вы не можете созидать ненасилие, [опираясь] на индустриальную цивилизацию (factory civilization), ненасилие можно созидать на основе самодостаточных деревень» [18, р. XVI]. Организационное воплощение политики ненасилия Ганди связывал с исконно индийской социально-политической институцией, т.е. с панчаятами.

Особое значение для авторов этой статьи имеет то обстоятельство, что Ганди предлагал понимать слово «панчаят» буквально, а именно так, чтобы во главе каждой деревни стояли *пятеро* совершеннолетних мужчин или женщин. Два соседних панчаята должны сформировать рабочий орган, который будет возглавлять лидер, избранный из состава этих панчаятов. Когда количество таких смежных панчаятов достигнет сотни, пятьдесят первичных лидеров из своего состава выбирают вторичных лидеров. Этот процесс должен продолжаться до тех пор, пока не охватит все политическое пространство Индии. При этом лидеры последующего звена становятся руководителями лидеров нижестоящих панчаятов [18, р. 192].

Как известно, политическая история независимой Индии пошла по «компромиссному пути». В результате действующая Конституция Индии представляет собой «трудное сожительство» прозападного парламентаризма, в котором рельефно присутствуют элементы

социалистической идеологии (сверху) и квазитрадиционной системы панчаятов (снизу). Запоздалой уступкой гандийской политической мечте можно считать Акт о панчаят-управлении (Panchayati Raj Act), который имеет конституционный статус, так как формально представляет собой 73-ю поправку к индийской Конституции 1950 г. [19].

Акт о панчаят-управлении учредил 1) трехступенчатую систему панчаятов во всех штатах с населением более 20 лакх (=20 × 100 000), т.е. с населением более 2 млн., 2) регулярные (пере)выборы и пятилетний срок полномочий панчаятов, 3) резервирование мест в панчаятах для представителей списочных каст, 4) Государственную финансовую комиссию для рекомендаций по поводу финансовых полномочий панчаятов и 5) окружные плановые комиссии для подготовки планов развития соответствующего окружного панчаята.

В рамках имплементации Акта о панчаят-управлении были созданы 232 278 сельских панчаятов, 6022 промежуточных панчаята и 535 окружных панчаятов. Народные представители в панчаятах трех уровней насчитывают в совокупности 29,2 лакх, т.е. 2 900 200 человек. Такая высокая квота в тенденции созвучна идеалу истинной демократии Махатмы Ганди.

Вместе с тем региональная администрация в большинстве индийских штатов до сих пор не спешит наделять соответствующие панчаяты достаточными административными и финансовыми полномочиями. С одной стороны, это связано со структурной конкуренцией между прозападной идеей «октроированной» демократии «сверху» и гандийской моделью демократии «снизу». С другой стороны, это вызвано низким качеством управленческого контингента во многих панчаятах.

Как ни парадоксально, позитивная дискриминация «списочных каст» – в духе доктора Амбедкара – в ущерб высшим кастам некоторым образом способствует дискредитации самой идеи панчаятов. Многие из них не соответствуют политической мечте Махатмы Ганди. С одной стороны, как обычные советники, так и многие сарпанчи (руководители панчаятов) в социально-экономическом плане мало отличаются от простого населения. В этом можно увидеть признак политического эгалитаризма, о котором мечтал Махатма Ганди. В самом деле, если народные представители в панчаятах имеют те же самые нужды, что и простые индийцы, то руководству панчаятов легче проявлять солидарность с простыми гражданами.

Но, с другой стороны, как оценивать этот эгалитаризм, когда сарпанчем становится, скажем, представитель списочной касты? Вполне вероятно, что он постарается создать клику из своих людей, т.е. будет фаворизировать представителям собственной касты и может впасть в соблазн систематической дискриминации представителей высших каст. Выходцы же из высших каст, как правило, образованнее и обычно имеют собственное мнение. Но для менее образованного и склонного в авторитаризму сарпанча это может стать аргументом против сотрудничества с ними.

Два индийских автора Мисра и Дхака провели исследование, которое показало, что в штате Харьяна многие сарпанчи за обследуемый период имели весьма низкий годовой доход. Значительная часть из 644 сарпанчей (41,3 %) имели доход в пределах от 5001 до 10 000 рупий. Примерно такое же количество сарпанчей (39,2 %) имели доход в пределах между 10 001 и 15 000 рупий. К зажиточной страте населения можно отнести лишь ничтожную часть избранных сарпанчей (0,9 %) с доходом свыше 50 001 рупий. Такая структура доходов, вероятно, объясняется тем, что значительные квоты представительства в панчаятах законодательно зарезервированы за списочными кастами (Scheduled Castes), отсталыми кастами (Backward Castes), а также за женщинами, которые в Индии традиционно менее образованны, чем мужчины [20, p. 115].

Многие панчаяты в тенденции представляют собой персональную клику под контролем со стороны соответствующего сарпанча, который обладает большой властью. Так, на основании Акта о панчаят-управлении штата Харьяна от 1994 г. сарпанч формирует и распускает соответствующий панчаят. Он является главным распорядителем бюджетных средств, но редко расходует их эффективно. Так как сельское население в основном является безземельным, многие сельские жители зависят от того, насколько доступна для них *поденная* работа по найму. Это создает порочный круг бедности: с одной стороны, многие селяне предпочитают

поденную работу благодаря поденной же оплате. Соответственно, у них нет ни времени, ни ресурсов приобрести надежную профессию. Но и в качестве поденщиков работники часто вынуждены «бегать за сарпанчем, чтобы получить заработанные деньги». Как бы то ни было, поденщики объективно не в состоянии повышать свою квалификацию.

Кроме того, соответствующий сарпанч использует данное обстоятельство таким образом, что намеренно фрагментирует средне- и долгосрочные проекты развития территории, разбивая их на «поденные лоты». При этом сарпанч порой авансирует поденщиков из собственных средств, а по завершении проекта «сэкономленные», т.е. недоплаченные бюджетные средства кладет в собственный карман [20, p.116, 131, 141, 148].

С одной стороны, слово «панчаят» по формальным признакам в чем-то созвучно греческому слову «пентархия», что переводится как «пятиначалие». С другой стороны, термин «панчаят» тесно связан с более современным словом на хинди «сварадж», что означает «самоуправление». Сварадж начинается на деревенском или поселковом уровне.

Следовательно, с точки зрения политического сознания индийцев число 5 приобретает содержательный смысл. Иначе говоря, любой «радж», т.е. любая публичная власть, если она желает стать «сварадж», т.е. самостоятельной, или автономной, должна начинаться СНИЗУ. При этом с древнеиндийской точки зрения пятеро управленцев – это необходимое и достаточное количество для организации не только местной власти, но и вышестоящих органов публичного управления [21]. На первый взгляд панча, или пять, как структурная единица публичной власти – прямой путь к олигархии. Так ли это? На этот вопрос мы и попытаемся ответить.

Для начала надо констатировать, что «панча» – это инструмент для того, чтобы заблокировать «самовластие» одного, т.е. якобы самодостаточной единицы. Фактически панча – это молчаливое подтверждение древнеиндийским политическим гением той истины, что абсолютная, так называемая автократическая, власть как таковая невозможна. Она так или иначе становится олигократией, или – в педжоративных терминах – олигархией. Но если олигократия в принципе универсальна, то есть лишь два пути: либо рассматривать ее как неизбежное зло, т.е. смириться с ней, либо оценивать ее в позитивном, точнее, непредвзятом ракурсе.

Непредвзятый подход, как нам представляется, гарантирует элементарная арифметика. При таком ракурсе числовым аналогом абсолютной власти является изолированная единица, т.е. число 1. На примере панчаятов штата Харьяна мы видели, что некоторые сарпанчи склонны преувеличивать свой статус или, выражаясь формально, гипертрофировать значение числа 1 и, соответственно, дезавуировать значение числа 5. Однако между единицей и пятеркой мы имеем еще три числа. Возникает вопрос: как в тенденции могут функционировать числа 2, 3 и 4 в рамках числа 5?

Мы полагаем, что любая пентархия формально может переподчинить себе указанные числа. Более того, нет никакой несовместимости прежде всего с числом 1. Другими словами, пентархия, безусловно, включает в себя монархический элемент, или принцип лидерства. Всякой пентархии необходим руководитель (сарпанч).

Он не может позиционировать себя в качестве «самодержца», если придерживаться вышеуказанного древнеиндийского принципа «сварадж», т.е. принципа демократического местного самоуправления. Он может быть лишь *primus inter pares*, т.е. первым среди равных. Оставшиеся члены пентархии могут состоять из двух диад, которые в тенденции склонны конкурировать между собой. При этом руководитель пентархии благодаря решающему голосу всегда остается над схваткой этих диад.

Возможен также субоптимальный вариант внутренней структуры пентархии, когда против руководителя формируется *триада*, а с ним остается его единственный союзник, на которого он готов всегда положиться. Казалось бы, что этот вариант не так уж плох, поскольку фактор «триады» усиливает принцип коллегиальности внутри *пентархии*. Однако проблема триады для сарпанча заключается в том, что рано или поздно у нее появляется

внутренний лидер. Он объективно вступает в конкуренцию с внешним (для триады) лидером, т.е. с сарпанчем.

Как видим, сарпанч, который может положиться лишь на одного человека, в долгосрочной перспективе обречен. Дальновидный сарпанч всегда должен иметь как минимум двух «лейтенантов». Другими словами, он должен предвидеть возможность образования триады внутри пентархии и должен возглавить ее. Данное обстоятельство объективно работает на усиление принципа коллегиальности и, соответственно, снижает эффективность «самодержавного стиля» управления.

В принципе пентархия может фрагментироваться еще дальше, например, диада + три самостоятельных члена и даже пять человек. Это, безусловно, снижает эффективность работы всей пентархии, но не вредит принципу коллегиальности при условии, что руководитель в состоянии удерживать свое монархическое лидерство, не впадая при этом в автократизм. Есть и обратная сторона медали такого распада пентархии, так как действующему сарпанчу придется постоянно лавировать между ее членами и часто принимать субоптимальные компромиссные решения.

Мы уже рассмотрели плюсы и минусы чисел 2 и 3. Теперь в контексте пентархии рассмотрим число 4. Можно сказать, что все восходящие *четные* числа аккумулируют недостатки и релятивируют возможные плюсы числа 2. В самом деле, в контексте публичного управления число 4 стремится разделиться на две диады. Внутренней (структурной) скрепой каждой такой диады является конкуренция с противоположной диадой. Имманентная склонность числа 4 к коррупции заключается в том, что каждая пара управленцев постарается внести раскол в конкурирующую двойку: притянуть на свою сторону возможного «диссидента» из противоположного лагеря и тем самым изолировать оставшегося члена, превратив его в политического «изгоя». Возникшая при этом господствующая тройка, скорее всего, будет иметь бюрократическую природу в худшем значении этого слова, т.е. лидер тройки будет вносить раскол среди двух своих «лейтенантов», чтобы они не смогли оспорить его лидерство.

Число 6, скорее всего, сразу фрагментируется на две конкурирующие тройки управленцев с двумя соответствующими лидерами. Фактически возникает институциональный конфликт между двумя лидерами каждой тройки. Но возможен и другой сценарий, т.е. фрагментация «шестивластия» на три диады. Такой расклад, в принципе, повторяет историю деградации римского консулата. Другими словами, каждая диада рано или поздно путем элиминации внутреннего конкурента превратится в единицу. Впрочем, маргинализованные единицы-изгои могут образовать между собой «тройственный союз» и по одиночке расправиться с якобы победившими «самодержавными единицами». Самый лучший вариант для «шестивластия» – вернуться к пентархии, но тогда оставшийся изгой будет не просто лишним, а станет постоянной избыточной угрозой для функционирования этой пентархии.

Число 8 может распасться на две четверки со всеми вытекающими последствиями, о которых уже было сказано. В лучшем случае восьмерка управленцев разделится на две фракции: пентархию и триаду. При этом триада, скорее всего, будет постоянно саботировать все решения пентархии просто из политического азарта, поскольку любое «меньшинство» формально запрограммировано на борьбу с «большинством».

Число 7 и число 9, как и прочие числа, которые преодолевают число 5, в принципе не самостоятельны. Более того, умножая количество управленцев, они символизируют нездоровую тенденцию самовозрастания бюрократии без повышения эффективности управления. Скорее всего, эффективность публичной власти при таком раскладе будет постоянно снижаться и приводить к различным конфликтам компетенций.

Наконец, рассмотрим священное для пифагорейцев и даже для Аристотеля число 10. Это число не вызывает нареканий, если означает совмещение двух пентархий (5 + 5) с четким разделением полномочий между ними. Другими словами, необходимо обеспечить иерархию взаимоотношений между этими двумя пентархиями в духе Махатмы Ганди, а именно в том смысле, что одна является ведущей, а вторая ведомой. В остальных случаях

фрагментация чиста 10 будет приводить к нежелательным последствиям, характерным для соответствующих «числовых фрагментов»: $1 + 9$; $2 + 8$; $3 + 7$; $4 + 6$.

Заключение

Мы исходим из презумпции абсолютной фрагментации стартовых условий для любой (будущей) пентархии в ходе ее возможной сублимации. Эти условия можно представить формулой $1 + 1 + 1 + 1 + 1 = 5$. В этой стартовой ситуации избранный или назначенный сарпанч буквально символизирует принцип *primus inter pares* (лат. «первый среди равных»). На этой стадии сарпанч сам разрабатывает и принимает решения, которые, однако, должны получить формальное одобрение со стороны как минимум трех советников. Если же оставшиеся четыре единицы выберут тактику пассивного противодействия сарпанчу (например, при голосовании под разными предложениями будут воздерживаться), то соответствующий сарпанч не сможет стать *реальным*, а не только формальным лидером.

Первой стадией сублимации можно считать появление у сарпанча верного «лейтенанта». В результате формула пентархии приобретает вид $2 + 1 + 1 + 1$. От личных и профессиональных качеств этого человека очень много зависит. Он может превратиться в «эхо» своего «шефа» и в будущем стать *persona non grata* (лат. «нежелательная персона») для оставшихся трех членов группы. Но, с другой стороны, может стать и своеобразным «серым кардиналом». Например, он сможет заняться «вербовкой» новых «лейтенантов» для своего шефа (при условии, что сам станет, как минимум, «капитаном»).

В последнем случае пентархия может приобрести вид $3 + 1 + 1$. В таком составе триада под контролем сарпанча сможет настоять на любом решении за исключением тех, которые требуют единогласного одобрения. Кроме того, кто-то из двух оставшихся изолированных членов быстрее другого сообразит, что надо примкнуть к господствующему триумvirату.

В результате пентархия приобретет вид $4 + 1$. У последней изолированной единицы не останется иной альтернативы кроме выбора из двух вариантов: либо соглашаться на роль политического «изгоя» или – в лучшем случае – «местного диссидента», либо примыкать к господствующей четверке. Соответственно, пентархия уплотнится до полной интеграции, т.е. приобретет форму числа 5 без какой-либо фрагментации. Но это – идеальная ситуация, вряд ли достижимая на практике.

Поскольку в реальной жизни, главным образом в области политики и публичного управления и, особенно, в вопросах, связанных с бюджетным финансированием, не может быть вечных союзников и вечных противников, разумному сарпанчу следует исходить из принципа «всякое действие порождает противодействие».

Так, консолидацию стартовой пентархии ($1 + 1 + 1 + 1 + 1$) могут начать сами советники. Если сарпанч упустил инициативу, то он в скором времени может – помимо своей воли – стать одной из изолированных единиц в пентархии по типу 1 (сарпанч) + $1 + 1 + 2$, где двое объединились против сарпанча. Вдвоем они смогут обрабатывать в своем ключе то одного, то другого из изолированных советников.

Если сарпанч будет по-прежнему бездействовать, то пентархия может приобрести вид: 1 (сарпанч) + $1 + 3$. При таком раскладе политику пентархии будет определять уже возникший триумvirат. Во главе его обязательно появится неформальный лидер, а формальному сарпанчу придется просто ставить свою печать под всеми решениями триумvirата.

Казалось бы, наилучший вариант для формального сарпанча представляет собой констелляция по типу 1 (сарпанч) + 4 . Однако на самом деле это может стать для него началом политического «контрнаступления». Последняя примкнувшая к триумvirату единица, скорее всего, долго сомневалась либо в силу остаточной лояльности к сарпанчу, либо в силу робости. Как бы то ни было, четвертый член бывшего триумvirата, вероятно, будет вечно на вторых ролях. С другой стороны, и в «ядре» триумvirата кому-то может надоест роль вечно «третьего лишнего». Он захочет усилить свои позиции тем, что станет поддерживать этого четвертого члена.

В итоге, казалось бы, победоносная констелляция 1 (сарпанч) + 4 достаточно быстро деградирует в сочетание 1 (сарпанч) + 2 + 2. Каждой диаде в борьбе с другой диадой придется заручаться поддержкой «изолированного» сарпанча. При грамотном лавировании между конфликтующими интересами диад формальный сарпанч может стать *реальным* сарпанчем. Как ни странно, многое от него не потребуется. Ему лишь понадобится всячески оберегать возникшую констелляцию 1 (сарпанч) + 2 + 2. Разумеется, она не сможет быть столь же эффективной, как нефрагментированная (идеальная) «пятерка» полных единомышленников, но, как было сказано, в политике почти не бывает такой счастливой констелляции.

Список литературы

1. Fliedner O. *Gesetzesflut und Paragraphendickicht – notwendige oder unnötige Erscheinung im demokratische Rechts- und Sozialstaat?* Siegen : Vorländer, 1992.
2. Паркинсон С. Н. *Законы Паркинсона : сборник : пер. с англ. / сост. и авт. предисл. В. С. Муравьев. М. : Прогресс, 1989. 448 с.*
3. Dharampal Panchayat Raj and India's Polity. Mapusa : Other India Press, 1962.
4. Ghurye G. S. *Caste and Class in India [1932].* Bombay : Popular Book Depot, 1957.
5. Low S. *A Vision of India [1907].* Delhi : Seema Publications, 1972.
6. Harshananda S. *The Caste System.* URL: <http://rkmathbangalore.org/Books/TheCasteSystem.pdf>
7. Freitas K. *The Indian Caste System as a Means of Contract Enforcemen.* 2006. URL: https://web.stanford.edu/~avner/Greif_228_2007/Freitas,Kripa.2006.
8. Sarbadhikary S. *The Place of Devotion: Siting and Experiencing Divinity in Bengal-Vaishnavism.* Berkeley : The University of California Press, 2015. 292 p.
9. Ambedkar Bh. R. *The Untouchables: Who Were They and Why They Became Untouchables : [Reprint].* New Delhi : Gyan Books, 2017. 176 p.
10. *The Essential Ambedkar / ed. by Bh. Mungekar.* New Delhi : Rupa Publications, 2015. 456 p.
11. Ambedkar Bh. R. *Annihilation of Caste with a Reply to Mahatma Ghandi [1937].* Tulsa : MJP Publishers, 2019. 112 p.
12. Roy A. *The Doctor and the Saint: Caste, Race, and Annihilation of Caste, the Debate Between B. R. Ambedkar and M. K. Gandhi.* Chicago : Haymarket Books, 2017. 184 p.
13. Ambedkar Bh. R. *The Buddha and His Dhamma : [Reprint].* North Charlston : Independently Published (Create Space), 2019. 466 p.
14. Ambedkar Bh. R. *Buddha or Karl Marx : [Reprint].* North Charlston : Independently Published (Create Space), 2015. 34 p.
15. Dutt Y. *Comin Out As Dalit.* New Delhi : The Aleph Book Company, 2019. 232 p.
16. Anupama R. *The Caste Question: Dalits and the Politics of Modern India.* Ranikhet : Permanent Black, 2010. 392 p.
17. *Calling People "Harijan" or "Dhobi" Is Offensive : Supreme Court.* URL: <https://thewire.in/law/calling-people-harijan-or-dhobi-is-offensive-supreme-court>
18. Gandhi M. *Hind Svaraj [1910] and Other Writings / ed. by A. J. Parel.* Cambridge : New York etc. : Cambridge University Press, 1997.
19. *The Constitution (73rd Amendment) Act, 1992.* URL: <https://india.gov.in>
20. Misra S., Dhaka R. S. *Grassroots Democracy in Action: A Study of Working of Panchayat Raj Institutions in Haryana.* New Delhi : Concept Publishing Company, 2004.
21. Mookerji R. *Local Government in Ancient India.* Oxford : Clarendon Press, 1919.

References

1. Fliedner O. *Gesetzesflut und Paragraphendickicht – notwendige oder unnötige Erscheinung im demokratische Rechts- und Sozialstaat?* Siegen: Vorländer, 1992.
2. Parkinson S.N. *Zakony Parkinsona: sbornik: per. s angl. = Parkinson's Laws: Collection: Translated from English.* Moscow: Progress, 1989:448. (In Russ.)
3. Dharampal Panchayat Raj and India's Polity. Mapusa: Other India Press, 1962.
4. Ghurye G.S. *Caste and Class in India [1932].* Bombay: Popular Book Depot, 1957.
5. Low S. *A Vision of India [1907].* Delhi: Seema Publications, 1972.
6. Harshananda S. *The Caste System.* Available at: <http://rkmathbangalore.org/Books/TheCasteSystem.pdf>

7. Freitas K. *The Indian Caste System as a Means of Contract Enforcemen*. 2006. Available at: https://web.stanford.edu/~avner/Greif_228_2007/Freitas,Kripa.2006.
8. Sarbadhikary S. *The Place of Devotion: Siting and Experiencing Divinity in Bengal-Vaishnavism*. Berkeley: The University of California Press, 2015:292.
9. Ambedkar Bh.R. *The Untouchables: Who Were They and Why They Became Untouchables: [Reprint]*. New Delhi: Gyan Books, 2017:176.
10. Mungekar Bh. (ed.). *The Essential Ambedkar*. New Delhi: Rupa Publications, 2015:456.
11. Ambedkar Bh.R. *Annihilation of Caste with a Reply to Mahatma Gandhi [1937]*. Tulsa: MJP Publishers, 2019:112.
12. Roy A. *The Doctor and the Saint: Caste, Race, and Annihilation of Caste, the Debate Between B.R. Ambedkar and M.K. Gandhi*. Chicago: Haymarket Books, 2017:184.
13. Ambedkar Bh.R. *The Buddha and His Dhamma: [Reprint]*. North Charlston: Independently Published (Create Space), 2019:466.
14. Ambedkar Bh.R. *Buddha or Karl Marx: [Reprint]*. North Charlston: Independently Published (Create Space), 2015:34.
15. Dutt Y. *Comin Out As Dalit*. New Delhi: The Aleph Book Company, 2019:232.
16. Anupama R. *The Caste Question: Dalits and the Politics of Modern India*. Ranikhet: Permanent Black, 2010:392.
17. *Calling People "Harijan" or "Dhobi" Is Offensive: Supreme Court*. Available at: <https://thewire.in/law/calling-people-harijan-or-dhobi-is-offensive-supreme-court>
18. Gandhi M. *Hind Svaraj [1910] and Other Writings*. Cambridge: New York etc.: Cambridge University Press, 1997.
19. *The Constitution (73rd Amendment) Act, 1992*. Available at: <https://india.gov.in>
20. Misra S., Dhaka R.S. *Grassroots Democracy in Action: A Study of Working of Panchayat Raj Institutions in Haryana*. New Delhi: Concept Publishing Company, 2004.
21. Mookerji R. *Local Government in Ancient India*. Oxford: Clarendon Press, 1919.

Информация об авторах / Information about the authors

С. В. Королев – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора международного права, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

И. С. Лялина – кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора международного права, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

S.V. Korolev – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the International Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka street, Moscow, 119019.

I.S. Lyalina – Candidate of Law, Researcher of the International Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka street, Moscow, 119019.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /

The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 30.01.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.02.2023

Принята к публикации / Accepted 28.02.2023